
Уютный детектив
Запятая, или Смерть по рукописи
Кафе «Опечатка»
Роман «Последняя запятая»
Меня зовут Нина Платонова, у меня есть рубиновое кольцо, кот по имени Эклер и красный карандаш, и я умру тридцатого июня.
Серия «Красный карандаш»
книга 18

Милана Панова
Запятая или Смерть по рукописи

https://litres.ru/74734988
SelfPub; 2026

Аннотация

Пожилой писатель-детективщик приглашает корректора Нину Платонову на дачу и признаётся: в его последнем романе героиня носит её имя и первой строкой заявляет, что умрёт тридцатого июня. Он собирает в усадьбе «Опечатка» шестерых людей, которые в романе выведены под другими именами, чтобы прочесть им книгу вслух. Утром под мостками находят издателя с белой розой в кармане. В рукописи появляется глава, описывающая это убийство, хотя ещё ночью Нина читала там совсем другую. Связи нет, мост размыт, участковый один, а в записке на подушке Нине назначают встречу на мостках в полночь тридцатого июня. Нина, капитан Громов и кот Эклер выясняют, кто переписал чужую книгу ради чужой смерти. Уютный ироничный детектив о рукописях, ненаписанных главах и о том, что язык выдаёт человека точнее отпечатков пальцев. Читать можно отдельно от предыдущих частей

Милана Панова
Запятая или
Смерть по рукописи

Запятая, или Смерть по рукописи
Серия «Красный карандаш», книга 18

Глава 1. Кафе «Опечатка»

Кафе «Опечатка» нашлось на улице Ленина, между аптекой и магазином товаров для рукоделия, и выглядело именно так, как должно выглядеть место с таким названием: на вывеске вместо «Опечатка» красовалось «Опечатка», но с заметно перевёрнутой «к», так что сначала читалось «Опечатва». Я постояла перед дверью и решила, что это либо шутка, либо судьба.

— Нина, — сказал Андрей, стоявший у меня за спиной. — Ты можешь еще передумать.

— Не могу.

— Я так и думал.

— Ты останешься здесь?

— Я останусь вон на той скамейке, с газетой, и буду изображать пенсионера. Если через полчаса тебя не будет, я зайду и закажу шесть пирожных. Очень громко.

— Это будет сигнал?

— Это будет скандал. Но в любом случае тебя вытащат.

Я поцеловала его в щёку и вошла. Звякнул колокольчик над дверью. Эклер, которому я так и не смогла объяснить, что «без кота» значит «без кота», сидел у меня на плече в шлейке, потому что на условие «можете взять» он отреагировал вполне однозначно: залез в сумку и не вылез, пока я не взяла и его.

Внутри было тихо и пахло ванилью. Стены обклеены страницами старых книг, на столиках стояли настольные лампы с зелёными абажурами, а за стойкой дремала девушка с косой, подперев щёку кулаком. В углу у окна сидел человек.

Он был высок, тощ, с серебряной гривой, аккуратно зачёсанной назад, и с лицом пожилого актёра, который давно играет самого себя. На нём был серый вельветовый пиджак, чёрный шейный платок и круглые очки в тонкой оправе. Перед ним стоял чайник с двумя чашками и блюдо с овсяным печеньем. Увидев меня, он поднялся, и я заметила, что у него выправка кавалерийского офицера и дрожь в пальцах человека, который слишком много лет печатал на машинке.

— Нина Сергеевна, — сказал он мягким, низким, прекрасно поставленным голосом. — Я не сомневался, что вы придёте. Это было бы совершенно в вашем характере.

— Вы меня знаете?

— Я знаю вас сорок три дня. С тех пор как прочёл в газете заметку про «корректора, которая нашла убийцу по запятой». Разрешите представиться. Георгий Семёнович Кра-

пивин.

Я не сразу сообразила. Потом поняла: передо мной тот самый Крапивин, автор тридцати двух детективов, которые стояли у каждой второй женщины в метро и у каждого второго дедушки на даче. «Тайна старого маяка», «Ночь в купе № 6», «Пять поцелуев и один яд». Я вычитывала два его романа в начале карьеры.

— Вы писатель.

— Был. Пока не понял, что не пишу, а переписываю самого себя. — Он улыбнулся. — Садитесь, прошу. Кот, как я вижу, с вами. Прекрасно. Я захватил для него сливки.

Он действительно достал из кармана маленькую баночку. Эклер, учуяв, мгновенно переместился с моего плеча на стол, понюхал, снисходительно лизнул и расположился между печеньем и чайником, как маленький сфинкс.

— Вы звонили мне, — сказала я. — После банка. И вы сказали: «Автор». Рукопись в ячейке, лист…

— Это моя рукопись. Роман «Последняя запятая». Лавров, да упокоит господь его беспокойную душу, любезно согласился хранить первую страницу. Он был одним из первых, кто прочёл. И единственный, кто сказал: «Георгий Семёнович, вы пишете лучше, чем думаете».

— Вы были знакомы с Лавровым?

— Двадцать лет. Он издавал меня первое время. До ухода. Потом вернулся и стал моим акционером, если можно так выразиться. Он хотел, чтобы эта книга вышла у Маргариты

Викторовны Дымовой. Я вам обязан объяснить, почему.

Он налил чаю, придвинул мне чашку.

— Сначала скажите, что вы прочли.

— Первую строку.

— «Меня зовут Нина Платонова, у меня есть рубиновое кольцо, кот по имени Эклер и красный карандаш, и я умру тридцатого июня».

— Да.

— Испугались?

— Сильно.

— Простите. Это была неудачная шутка. — Он слегка поклонился. — Это первая строка романа. Героиня, корректор по имени Нина Платонова, ведёт повествование от первого лица. Она заявляет, что умрёт тридцатого июня, и весь роман читатель ждёт этого дня. А в последней главе выясняется, что она просто решила не дожить до тридцатого июня: уйти на пенсию, переехать в деревню и написать собственную книгу. «Умру» в смысле «исчезну». Это старый приём.

— Вы взяли моё имя.

— Я взял вас целиком. — Он улыбнулся, и в углу рта у него появилась тонкая усталая морщина. — Простите. Вы, наверное, подумали: сумасшедший старик крадёт чужую жизнь. Но вы единственный человек в стране, на ком держится понятие «корректор» в литературе. Я хотел сделать вас героиней. Не копировать, а… отдать честь.

— Почему именно я?

— Потому что вы читаете. Я пишу тридцать лет и ни разу не встретил человека, который читает так, как вы. Не «увлекается», не «следит за сюжетом». Читает по буквам. Вы же понимаете, о чём я.

Я промолчала. Эклер, лежавший на столе, повернул голову и посмотрел на Крапивина с тем выражением, с каким смотрит на людей, которых собирается оценивать долго.

— Георгий Семёнович, — сказала я. — Зачем вы меня позвали? Не для того же, чтобы просить разрешения.

— Нет, разумеется. — Он вздохнул. — Это только повод. Мне нужна ваша помощь. Серьёзная.

— Какая?

— Двадцать седьмого июня у меня на даче, в усадьбе «Опечатка», собираются шесть человек. Мой издатель, мой литературный агент, моя бывшая жена, секретарь, соседка-журналистка и доктор. Я хочу прочесть им роман. Все главы, по порядку, по две-три за вечер. Последняя глава будет прочитана в ночь на тридцатое июня. Ровно в полночь. Как и положено по жанру.

— Зачем?

— Это мой последний роман. Я хочу, чтобы они услышали его вместе. Они все в нём присутствуют. Под другими именами, разумеется. Но я сделал портреты, и, надеюсь, не слишком обидные. Хочу посмотреть на их лица.

— Это жестоко.

— Это литература. Она всегда жестока. — Он вдруг за-

молчал, потом тихо добавил: — И ещё одна причина. Мне кажется, кто-то из них хочет меня убить.

Я поставила чашку.

— Что?

— Не буквально. Мне девяносто процентов уверенности. — Он грустно усмехнулся. — Вы понимаете, я детективщик. У меня профессиональная деформация: я подозреваю всех. Но в последние месяцы у меня стали пропадать вещи. Рукописи. Деньги со счетов. Однажды в моём кабинете кто-то среди ночи перелистал мои бумаги и ничего не взял, но положил закладку в одну из страниц. Странно, правда?

— На какой странице?

— На странице, где у героини описана смерть издателя. Хотите знать, как я узнал?

— Как?

— Я пишу на машинке «Эрика». Старой, немецкой, полученной ещё от отца. На ней нельзя исправить ошибку без следов. И закладка, которую оставили, лежала не в черновике, а в чистовике. В единственном экземпляре, который хранится в сейфе. Это значит, что человек знает код.

— Кто знает код?

— Я и секретарь. Больше никто. — Он помолчал. — Верочка не может. Она не из тех. Она в три раза умнее и в десять раз добрее.

— Тогда кто?

— Не знаю. Потому и зову вас.

Я посмотрела на Эклера. Он смотрел на меня.

— Вы хотите, чтобы я приехала на дачу и вела себя как корректор?

— Именно. Вы будете читать мою рукопись. Только вы увидите то, чего не увижу я. Вы читаете без любви к автору, а это бесценно.

— А если я ничего не найду?

— Тогда вы проведёте три дня на берегу прекрасного озера, поедите уху, погуляете по лесу, а я прочту вам лучшую главу в жизни. — Он улыбнулся. — Согласитесь, это не самый плохой исход.

Я вздохнула.

— Мне нужно спросить мужа.

— У вас есть муж?

— Жених.

— Тот самый капитан? — Лицо у него осветилось. — Прекрасно. Привозите. В усадьбе места хватит. Мне давно хотелось заполучить настоящего сыщика. Чтобы потом сказать, что я всё делал неправильно.

— Он не любит, когда его называют «настоящим».

— А как его называют?

— Андрей.

— Тогда пусть будет Андрей.

Он достал из кармана плотный белый конверт и протянул мне.

— Приглашение. На оборотной стороне план проезда. От

Н-ска восемьдесят километров, потом поворот у деревни Сосновка, три километра по просёлку. Мобильная связь, к сожалению, там почти не ловит, зато есть стационарный телефон. И, — он подмигнул, — отличный повар.

Я взяла конверт, повертела в руках.

— Георгий Семёнович. Ещё один вопрос.

— Да.

— Почему вы сказали «я умру тридцатого июня»?

Он замолчал. В глазах мелькнуло что-то тёмное, старое, почти испуганное.

— Это первая строка романа, Нина Сергеевна, — тихо сказал он. — Я написал её тридцать лет назад. На оборотной стороне бланка в больничной палате, когда мне поставили диагноз. Врачи сказали: «Тридцатого июня вам предстоит операция». Я вышел из больницы и написал эту строку, чтобы не сойти с ума. Операция прошла успешно. Строка осталась. Теперь я просто закончил книгу, которую начал тогда.

В кафе стало тихо. Девушка за стойкой тихонько звякнула чашкой.

— Простите, — сказала я.

— Не за что. — Он улыбнулся. — Видите, как всё просто. А вы испугались.

Я встала. Эклер, не дожидаясь команды, прыгнул мне на плечо.

— Мы приедем.

— Я знал.

На улице, на скамейке, сидел Андрей с газетой, перевёрнутой вверх ногами. Увидев меня, он поспешно сложил её и поднялся.

— Тридцать пять минут.

— Я не заметила.

— Что он хотел?

— Пригласить нас на дачу. И, кажется, спасти от чего-то.

— Тебя?

— Себя. — Я посмотрела в окно кафе, где Крапивин сидел один, помешивая чай, и вдруг показался мне очень маленьким и очень старым. — Но не уверена, что он сам это понимает.

— Нина.

— Да.

— Это опять что-то плохое?

— Это опять что-то странное.

— Это одно и то же.

— Нет, — сказала я. — Но иногда бывает рядом.

Глава 2. Усадьба

Усадьба «Опечатка» стояла на берегу озера Тихое, в таком глухом сосняке, что последние пять километров Андрей вёл «Фольксваген» как человек, который вдруг заподозрил, что навигатор ведёт его в другое измерение. Дорога превратилась в колею, колея в тропу, а тропа упёрлась в кованые ворота с позеленевшими вензелями. На воротах висела табличка, на которой аккуратным каллиграфическим почерком

было выведено: «Опечатка. Частное владение. Орфографические ошибки штрафуются».

— Это они сами? — спросил Андрей.

— Это он. Он любит шутить.

— Надеюсь, его шутки не заканчиваются трупами.

Он нажал на звонок, и ворота медленно, со скрипом, раздвинулись.

Двадцать седьмого июня день стоял жаркий и безветренный. Над озером висела белёсая дымка, пахло смолой, нагретой хвоей и тиной. Дом оказался двухэтажным, бревенчатым, с резным крыльцом, балконом и мезонином, похожим на нахохлившуюся птицу. По фасаду тянулся виноград, на крыше торчала флюгерная фигурка, которая, как выяснилось позже, изображала пишущую машинку. Вокруг цвели белые розы, высокие, густые, с лёгким сладким запахом, и от этого запаха, вместе с жарой, у меня на секунду закружилась голова.

— Нина Сергеевна! — донеслось с крыльца. — Андрей! Какое счастье.

Крапивин вышел нам навстречу в полотняной рубашке и мятых бриджах, с растрёпанной седой гривой и палкой, которой, видимо, пользовался не столько по необходимости, сколько для эффекта. Рядом с ним стояла молодая женщина лет двадцати восьми, невысокая, русоволосая, с тихим и внимательным взглядом человека, привыкшего исчезать, как только входит кто-то громкий.

— Это Верочка, моя правая рука, — представил он. — Вера Лисицына. Она печатает, организует, кормит и терпит. А это, Верочка, та самая Нина Сергеевна.

— Очень рада, — сказала Вера и неожиданно покраснела. — Я читала про вас. Я… ваша поклонница.

— Я не настолько известна.

— Для меня достаточно.

Мы прошли в дом. Внутри было прохладно и пахло деревом и старыми книгами. Просторная гостиная с камином, обитые вытертым бархатом диваны, шкафы до потолка. На стене висели фотографии: Крапивин с известными писателями, Крапивин на премии, Крапивин с женщиной в шляпке, которая, насколько я поняла, и была бывшей женой. На камине стояла пишущая машинка, огромная, чёрная, с белой кнопкой «возврат каретки».

— «Эрика», — сказал Крапивин с любовью. — Мой талисман. Остальное переписываю, но вот эта… незаменима.

Остальные гости собрались на веранде. Пять человек, шесть, считая Веру. Они сидели за длинным столом, пили холодный морс и делали вид, что не обсуждают друг друга.

Первым при нашем появлении поднялся полный, лысеющий мужчина лет шестидесяти с седыми бровями и круглым красным лицом человека, который любит поесть и вина попить. Он был в мятом льняном пиджаке и в соломенной шляпе, которую держал в руке, как держат букет.

— Борис Маркович Цукер, — представился он, пожимая

мне руку обеими ладонями. — Издательство «Цукер и сыновья», Москва. Я издаю Георгия сорок лет. Он мне как брат. А вы, значит, героиня?

— Я корректор.

— Корректор! — Он закатил глаза. — Знаете, сколько я мучаюсь с корректорами? Они все как один считают, что я безграмотный. А я просто быстро думаю.

— Борис, — тихо сказал Крапивин.

— Что? Я пошутил.

Рядом с Цукером сидел высокий, загорелый мужчина лет пятидесяти с ровным блестящим лицом, как у людей, которые часто улыбаются на камеру. Белоснежный льняной костюм, ослепительные зубы, золотые запонки. Он встал, наклонил голову.

— Мирон Белкин. Литературный агент. Представляю интересы Георгия Семёновича в России и за рубежом. Рад знакомству. Читал о вас.

— Все читали, — вздохнула я.

— Это хорошо. Мы любим знаменитостей.

За ним сидела женщина лет шестидесяти в широкополой шляпе и шёлковом платке, с тонким нервным лицом и огромными тёмными глазами, как у героини старого кино. Она курила длинную тонкую сигарету, не затягиваясь, а просто держа её между пальцами, как держат веер.

— Алевтина, — сказала она, протягивая руку, как для поцелуя. — Бывшая жена. Я не особенно разговорчива, поэто-

му буду краткой: он меня не заслужил.

— Алечка, — сказал Крапивин с мягким упрёком.

— Георгий, не прикидывайся, что тебе неловко. Ты специально меня пригласил.

— Да, специально.

— Вот видишь.

Крапивин улыбнулся, я заметила, что улыбка у него усталая.

— Это Дарья, — сказал он, указывая на девушку лет тридцати пяти с короткой стрижкой, диктофоном на шее и острым любопытным взглядом. — Журналистка. Из Москвы. Пишет обо мне большой материал.

— Дарья Эрлих, — кивнула она. — Не волнуйтесь, я не кусаюсь. Только записываю.

— Очень по-журналистски, — сказал Андрей.

— Спасибо.

И наконец, у самого края стола, невысокий, лысоватый, с аккуратной седой бородкой и портфелем, который он не выпускал из рук, сидел человек лет шестидесяти.

— Плетнёв, — сказал он. — Олег Борисович. Врач. Живу в Сосновке. Георгий Семёнович приглашает меня при каждом приступе меланхолии. Лечу его радостью жизни.

— Радостью жизни? — переспросила я.

— Рыбалкой, — пояснил он. — Другого лекарства я не знаю.

Мы сели. Эклер, выпущенный наконец из переноски, обо-

шёл веранду по периметру, обнюхал ножки каждого стула, задержался возле Цукера, ткнулся носом в его сандалию и чихнул. Цукер вздрогнул.

— Он не любит евреев?

— Он не любит одеколон, — сказала я. — У вас, кажется, «Шипр».

— «Одинокий странник».

— Вот именно.

Все засмеялись. Напряжение, висевшее над столом, слегка рассеялось, но я заметила, как Белкин быстро переглянулся с Цукером, а Алевтина подняла бровь, глядя на Крапивина.

Обед подали в четыре: уха из трёх видов рыбы, расстегаи, холодец, свежие овощи. Повар, молодой улыбчивый парень по имени Артём, обслуживал нас сам, потому что кроме него в усадьбе никакой прислуги не было. Разговор шёл ровно, с лёгкими уколами: Цукер жаловался на падение тиражей, Белкин говорил о правах на экранизации, Алевтина ехидно спрашивала, не собирается ли Георгий наконец написать что-нибудь «без трупов», Дарья задавала вопросы с диктофоном наготове.

— Георгий Семёнович, — сказала она, — вы сказали в письме, что роман будет последним. Почему?

— Устал. — Крапивин развёл руками. — Тридцать два детектива. Сорок лет. Придумывать новые убийства всё труднее. Смерть слишком много говорит о живых.

— А этот роман о чём?

— О корректоре. О любви к слову. О том, что читать — значит быть рядом с автором. — Он посмотрел на меня. — И об убийстве, как без него.

— Кого убили?

— Издателя.

За столом на секунду стало тихо. Цукер перестал жевать.

— Простите?

— Одного из героев. Он издатель, добродушный, лысый, с красным лицом. Зовут Цвейг.

— Георгий, — сказал Цукер, медленно кладя вилку. — Ты что, меня убил?

— В книге? Нет. Цвейг не ты. Просто типаж.

— Типаж. — Цукер вытер губы салфеткой. — А как его убили?

— Это сюрприз. Вы услышите в седьмой главе.

— Мне спокойнее, чем если бы ты сказал сейчас.

— Борис.

— Я пошутил, Георгий. Не обижайся.

Никто не засмеялся.

После обеда Крапивин провёл нас по дому: библиотека на первом этаже, кабинет в мезонине, комнаты для гостей на втором. Нам с Андреем досталась угловая, с видом на озеро и видом, как выразился Андрей, «на потенциальные пути отхода». В нашей комнате стоял старый платяной шкаф, кровать с резными столбиками и столик у окна. На столике

лежала записка: «Нина Сергеевна! Рукопись в библиотеке, в шкафу слева. Ключ в стакане. Читайте когда захотите. Г. К.».

— Он доверяет, — сказал Андрей.

— Он хочет, чтобы я прочла.

— Сегодня?

— Сегодня ночью.

— Весь роман?

— Пятьсот страниц. До рассвета управлюсь.

— Нина. Ты не спишь по трое суток.

— Это работа.

— Это самоубийство.

— Это корректура.

Он вздохнул и сел на кровать. Эклер забрался ему на колени и улёгся, свернувшись калачиком.

— Расскажи мне про них, — попросил Андрей. — Твоё первое впечатление.

— Цукер добродушный, но с хитринкой. Много болтает, мало говорит. Белкин слишком гладкий. Я не люблю людей, у которых нет ни одной морщины. Алевтина выглядит несчастной, но играет. Вера искренняя. Дарья слишком любопытная. Плетнёв, пожалуй, лучше всех.

— Почему?

— У него нет секретов. Только портфель.

— С портфелем что-то не так?

— Он с ним не расстаётся.

— Это не доказательство.

— Нет. Но я заметила.

Андрей улыбнулся.

— Ты заметила, что у человека с портфелем есть портфель.

— Я заметила, что он держит его на коленях, а не ставит на пол. А все остальные ставят вещи на пол или на стул. Это признак того, что внутри нечто важное. Или нечто, что он не хочет оставить без присмотра.

— Лекарства?

— Может быть.

За окном шумели сосны. В глубине сада кто-то тихо смеялся.

Глава 3. Седьмая глава

Рукопись лежала в шкафу, в картонной папке с завязками. Пятьсот двенадцать страниц, напечатанных на машинке, через два интервала, с чуть пожелтевшими краями и мелкими поправками от руки. Я взяла её с собой в библиотеку, устроилась в кожаном кресле у камина и открыла на первой странице.

«Меня зовут Нина Платонова, у меня есть рубиновое кольцо, кот по имени Эклер и красный карандаш, и я умру тридцатого июня».

Я заставила себя читать как корректор, а не как героиня. Это было нелегко. Роман оказался хорошим: тёплым, ироничным, с ловкими поворотами и живыми характерами. Героиня, моя тёзка и дублёрша, работала в издательстве «Ды-

мов и Ко». Крапивин не удержался от шутки. В ней были Эклер, красный карандаш, капитан Громов, только он назывался «капитан Громовой» и был женщиной, и я не смогла сдержать улыбку. Автор ловко запутывал сюжет: убийство на литературной дачей, шестеро гостей, закрытый круг, лодка, плывущая ночью в тумане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.